

В.Т.Логинов

Понятия «начало века» или «рубеж века» – это понятия виртуальные, ибо по китайскому или мусульманскому календарю они связаны с совершенно иными датами. Но для России – в XX и в XXI веке – особенно применительно к теме нашего разговора, – они оказались вполне содержательными.

Уже к концу XIX столетия многие российские интеллигенты ощущали приближение какой-то новой эпохи. Капитализм – в том виде, как он представал в России – пугал их своей вульгарностью, бездуховностью и даже криминальностью. При всем разочаровании в народничестве, оно по-прежнему – с 60-х годов – оставалось некой «моральной максимой», определявшей многие нравственные ценности, принятые в интеллигентной среде. Начиная с «опрошенчества» во внешнем облике и кончая демонстративным презрением, как выражался Глеб Успенский, к «господину Купону». Не то чтобы все неукоснительно следовало данным нормам, но, во всяком случае, их учитывали, определяя, «что такое хорошо и что такое плохо...» А между тем развитие капитализма, с его потребностью на «умственный труд», открывало для интеллигенции новые, широкие возможности. И не только на традиционной и относительно низкооплачиваемой ниве просвещения и народного здоровья, но и в правлениях солидных банков, акционерных обществ и компаний, на новых индустриальных гигантах.

Перспектива стать респектабельным интеллектуалом – совсем как в Европе – была заманчива. Но она пахла изменой принципам народолюбия и нестяжательства. А, как известно, интеллигентный человек не может совершить низкого поступка, предварительно не оправдав его самыми высокими мотивами...

И вот, в сентябре 1894 года, выходит книга Петра Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». При тираже в 200 экземпляров она быстро приобрела популярность. Еще бы: в ней научно – с цифрами и ссылками на иностранные авторитеты – доказывалось, что именно капитализм является носителем прогресса. И всякий, кто хочет блага для России, должен либо «идти на выучку к капитализму», либо просто служить ему.

В стране начинает все более расти тот слой интеллигенции, который связывает себя с хорошо оплачиваемыми инженерно-техническими профессиями, строительством электростанций, железных дорог и т.д. Но для многих из них прежние идеалы – и народолюбие прежде всего – все еще сохраняли роль «нравственной максимы».

XX век наступает в России в 1902 году, когда на юге пламенем пожаров вспыхивает крестьянское восстание. Потом приходит 1905 год и «Красное колесо», то ускоряя, то замедляя свой бег, будет катиться по стране еще два десятка лет. Борьба народа за свое освобождение нередко принимала зверские формы. И страх перед «пугачевщиной» стал тем фактором, который разводил людей по партиям и по разные стороны баррикад.

В 1909 году вышли столь популярные ныне «Вехи», изблотившие «пороки» русской интеллигенции и прежде всего ее «народопоклонство» и стремление к «общему благу и уравнилительной справедливости». Среди авторов «Вех» был, кстати, тот же Петр Струве, который и на сей раз как бы выдавал интеллигенции индульгенцию на отказ от «устаревших идеалов».

«Вехи» вызвали бурю протеста. И не только со стороны радикалов, окрестивших это издание – «Энциклопедией либерального ренегатства». Протест последовал из среды самой либеральной интеллигенции. Вышли сборники – «В защиту интеллигенции» (1909), «По вехам» (1909), «Вехи, как знамение времени» (1910), «Интеллигенция в России» (1910) с замечательной статьей П.Н.Милюкова «Интеллигенция и историческая традиция». Эта литература, отстаивавшая честь русской интеллигенции, сегодня, к сожалению, мало читаема.

И вот прошло 100 лет.

Я не хочу тащить за волосы какие-то аналогии к рубежу XX-XXI века. Но совпадение некоторых проблем – очевидно.

На протяжении многих десятилетий советская интеллигенция воспитывалась в духе «социалистической аскезы». Выступая на днях по телевидению Попцов справедливо заметил, что критерием формирования интеллигентной элиты было не количество денег, а иные – интеллектуальные достоинства и заслуги.

Существовали еще в качестве нормы – хотя и не всегда торжествовали – такие понятия, как «престиж честного труда», «служение народу» и т.п.

Конечно прагматизм, меркантилизм все более упрочивали свои позиции. Особенно тогда, когда приоткрылись «двери в Европу» и выяснилось, что специалисты того же уровня получают там совершенно иные зарплаты. Процесс превращения бескорыстных интеллигентов в интеллектуалов резко ускорился. Но поскольку рамки материального достатка оставались сравнительно узкими, мы получили не столько «европейских интеллектуалов», сколько «образованщину», кондовое российское мещанство. Причем ужасно агрессивное. И прежде всего это проявилось – особенно при проведении экономических реформ 90-х годов – в отношении к собственному народу как к «быдлу».

Сегодня это торжествующее мещанство диктует свои нравственные нормы. И не только в сфере шоу-бизнеса. Мы и раньше, идя к врачу, прихватывали коробку конфет, а к хирургу – бутылку коньяка. Сегодня благородные потомки Гиппократы берут наличными. И это совсем другой порядок цифр. Больной нередко становится не объектом лечения, а источником дохода. И смотрят не столько на самого больного, сколько на его кошелек.

Мы и раньше дарили учителям цветы, а то и хрустальные вазы. Но сегодня школьные поборы приобрели характер бедствия, превращая «бесплатность» образования в пустой звук. Конечно винить в этом только саму интеллигенцию – нельзя. Во многом, это результат определенной государственной политики в сфере образования и здравоохранения. Но главное – корыстный индивидуализм стал для многих утвердившейся «моральной максимой». И не понадобилось ни философов, ни новых «Вех» для того, чтобы оправдать и совершить этот нравственный кульбит.

Один из моих хороших студентов на вопрос телекорреспондента – как он оценивает нынешнее положение в России, ответил: «Я москвич. Я живу хорошо. Говорят, что в других местах живут плохо. Но я этого не видел». Если подобного рода настроения укрепятся – а об этом могут судить лишь социологи – то шансы на «возрождение» у России весьма незначительны. Ибо только «общее дело» и только «великие идеи», как говаривал покойный академик Никита Моисеев, способны консолидировать нацию и вывести страну из глубочайшего политического, экономического, социального, демографического и особенно – идеологического кризиса.

Здравомыслова О.М. Спасибо, Владлен Терентьевич. Вы обратили внимание (поскольку у всех есть программа), что мы строим наш разговор именно в форме таких затравочных вопросов, на которые потом, я надеюсь, у вас будет что сказать.

Владлен Терентьевич сказал нам о том, что экзамен проходит интеллигентно. Думаю, этот сюжет в каком-то смысле продолжит Алексей Берелович.